

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.11.3>

Бурлуцкая (Банникова) Елена Вадимовна

ПРИВАТНОЕ ПРОСТРАНСТВО ГОРОЖАНКИ ОРЕНБУРГСКОЙ ГУБЕРНИИ В ПОРЕФОРМЕННУЮ ЭПОХУ

Статья посвящена домашнему быту горожанок Оренбургской губернии во второй половине XIX - начале XX в. Частный мир женщины рассматривается с двух сторон - как выражение вкусов и возможностей представительниц различных городских сословий и как воплощение всеобщих модернизационных процессов, происходивших в России на рубеже веков. Делается вывод о преобладающем влиянии общественных представлений в формировании частного пространства над личными и стандартизации этого мира в масштабах империи. Специфика городского быта в уездных центрах Оренбургской губернии объясняется удаленным от столиц расположением региона и особенностями его населения.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/9/2019/11/3.html

Источник

Манускрипт

Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 11. С. 18-25. ISSN 2618-9690.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/9.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/9/2019/11/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

30. **Хлеборад Ф. С.** Доклад в Русском Собрании 7 ноября 1908 года // Вестник Русского Собрания. 1908. № 33.
 31. **Lieven D. C.** Russia and Origins of the First World War. L. – Basington: Macmillan, 1983. 283 p.
 32. **McDonald D. M.** United Government and Foreign Policy in Russia, 1900-1914. Cambridge – L.: Harvard University Press, 1992. 276 p.
 33. **Yelavich B.** Russia's Balkan Entanglements, 1806-1914. Cambridge: Cambridge University Press, 1991. XI+292 p.

**THE BALKAN FEDERATION PROJECTS IN FOREIGN-POLICY VIEWS OF THE RUSSIAN SOCIETY
OF THE SECOND HALF OF THE XIX – THE BEGINNING OF THE XX CENTURY**

Belyankina Valentina Yur'evna, Ph. D. in History
Mozhaisky Military Space Academy, Saint Petersburg
belyankina.vu@mail.ru

The article analyses the Russian conservatives' views on such issues as the establishment of the Slavonic ethno-cultural and political space, historical designation of Russia and its role on the Balkan Peninsula, geopolitical importance of the region for realization of foreign-policy tasks and national interests of the Russian Empire. Special attention is paid to analysing the Slavonic Federation projects and how they were developed by the Slavophiles and representatives of the Russian extreme right-wing, moderate right-wing and nationalistic parties in the second half of the XIX – at the beginning of the XX century.

Key words and phrases: The Balkan Federation; Russian society; Slavophiles; conservatives; right-wingers.

УДК 93/94; 394.014; 365.46; 643/645; 64-4
<https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.11.3>

Дата поступления рукописи: 17.09.2019

Статья посвящена домашнему быту горожанок Оренбургской губернии во второй половине XIX – начале XX в. Частный мир женщины рассматривается с двух сторон – как выражение вкусов и возможностей представительниц различных городских сословий и как воплощение всеобщих модернизационных процессов, происходивших в России на рубеже веков. Делается вывод о преобладающем влиянии общественных представлений в формировании приватного пространства над личными и стандартизации этого мира в масштабах империи. Специфика городского быта в уездных центрах Оренбургской губернии объясняется удаленным от столиц расположением региона и особенностями его населения.

Ключевые слова и фразы: история повседневности; женская история; провинция; город; быт; частное пространство; вещно-предметная среда.

Бурлуцкая (Банникова) Елена Вадимовна, д.и.н., доцент
 Оренбургский государственный педагогический университет
 ida777@yandex.ru

**ПРИВАТНОЕ ПРОСТРАНСТВО ГОРОЖАНКИ ОРЕНБУРГСКОЙ ГУБЕРНИИ
В ПОРЕФОРМЕННУЮ ЭПОХУ**

*Работа выполнена в рамках гранта РФФИ на реализацию научного проекта
 № 17-31-00010-ОГН «Повседневная жизнь провинциальной горожанки в пореформенной России
 (на материалах Оренбургской губернии второй половины XIX века)».*

В рамках изучения повседневности любой социальной группы обращение к бытовой составляющей этой обыденности представляется не только желательным, но и необходимым. Анализ материальной составляющей приватного пространства позволяет связать его формирование со спецификой региона и местного населения, определить соотношение личных вкусов и общественных представлений в формировании этого пространства, выявить особенности домашнего быта, присущие различным сословиям. В этой связи осуществляемый в рамках статьи анализ приватного пространства горожанки Оренбургской губернии в пореформенную эпоху дает возможность, во-первых, выявить различия в организации домашней среды между различными стратами провинциального городского населения, а во-вторых, определить специфику этой среды именно в рамках Оренбургской губернии, связанную с расположением региона и особенностями его населения.

Актуальность исследования связана с тем, что бытовая составляющая повседневности к настоящему времени пока не стала распространенной темой исторических исследований. Причина этого лежит как в относительной молодости истории повседневности как самостоятельного научного направления, так и в сложном размежевании понятия «быт» между учеными-историками и этнографами. Предпринятый в рамках статьи анализ приватного пространства горожанок пореформенной эпохи как элемента их повседневной жизни позволяет существенно расширить представления о городской повседневности вообще.

Научная новизна работы определяется тем, что вещно-предметная среда, окружавшая городского жителя Оренбургской губернии в пореформенный период, еще не становилась предметом научного анализа.

Используемые в работе источники впервые объединены в рамках общей проблематики, связанной с вопросами домашнего быта горожан.

В основном исследовании, посвященные бытовой составляющей городской повседневности российского города на рубеже XIX-XX вв., касались общественных пространств – их связанности природно-географическими и социокультурными условиями [15], их трансформации под влиянием технических изобретений [25], вхождения в общественный быт новых просветительских феноменов (фотоателье, книгоиздательство, книготорговля) [12] и т.д. Частное городское пространство, как правило, оставалось вне внимания исследователей.

В 2003 г. вышла в свет одна из наиболее ранних публикаций на эту тему – статья О. Н. Яхно [31], посвященная проблемам городского быта россиян конца XIX – начала XX в. Годом ранее ею же была защищена кандидатская диссертация на тему «Изменения в быту горожан Пермской губернии в конце XIX – начале XX в.» [32]. Ряд интересующих нас вопросов был затронут в совместной работе В. П. Микитюка и О. Н. Яхно, изданной в 2014 г. [16].

Традиционно проблемы городского быта наиболее полно изучались сибирскими исследователями. В 2004 г. была издана монография Ю. М. Гончарова [2], посвященная домашнему быту городской семьи Сибири на рубеже XIX-XX вв. К немногочисленным работам, затрагивающим названную проблему, можно отнести статью Т. В. Паликовой, в которой подверглась анализу бытовая составляющая семейной повседневности жителей Забайкалья разных сословий и ее эволюция во второй половине XIX – начале XX в. [24]. Быт горожан Сибири конца XVIII – начала XIX в. нашел отражение в статье Е. В. Комлевой [11]. Жилищно-бытовые условия рабочих Западной Сибири на рубеже XIX-XX вв. исследовал В. Н. Фаронов [29].

Бытовые условия жизни москвичей и петербуржцев на рубеже XIX-XX вв. также были косвенно затронуты в работах последних десятилетий. Так, в монографии Г. Н. Ульяновой [28] шла речь о переменах на рынке городской недвижимости, случившихся в указанную эпоху в Москве. В этом контексте в книге были изложены сюжеты об интерьерах наиболее известных квартир и повседневной жизни их обитателей.

Наиболее близко к теме данной статьи подходят работы, посвященные повседневной жизни обитателей российских столиц – работа Д. Засосова и В. Пызина [8] и книга В. Руги и А. Кокорева [26]. В обеих публикациях авторы увлекательно рассказывают о жизни жителей Петербурга и Москвы различных сословий предреволюционной поры. В книгах содержатся описания частных столичных квартир, опирающиеся на различные источники, в том числе на личные воспоминания авторов и на художественную литературу.

Хотя до настоящего момента исторических исследований, посвященных городскому быту россиян рубежа XIX-XX вв., было осуществлено немного, значение этих исследований трудно переоценить. Так, по словам О. Н. Яхно, анализ «материально-вещной среды, несущей скрытую информацию, помогает более точно оценить происходящие в обществе изменения» [31, с. 45]. Именно поэтому в рамках изучения повседневности провинциальных горожанок и ее трансформации под влиянием модернизационных процессов конца XIX – начала XX в. обращение к проблемам предметно-вещного их окружения является оправданным и актуальным.

Применительно к Оренбургской губернии изучение жилищно-бытовых условий жизни горожанок сопряжено с крайне ограниченным количеством источников. В качестве таковых можно использовать ряд работ нарративного характера – письма, путевые заметки, мемуары, оставленные, большей частью, людьми проезжими и путешествующими (Т. Ю. Базинер, М. Михайлов). Местные жители достаточно редко обращались к проблемам частной жизни, что скорее всего было связано с ее крайней замкнутостью. Сведения о домашнем быте, предметах интерьера, содержащиеся в их нарративах (Ф. И. Лобысевич, Н. Г. Залесов), отличаются краткостью и отрывочностью. Более информативной в этом плане оказывается пресса – объявления, публикуемые в оренбургских газетах, помогают выявить проблемы и особенности домашнего быта горожан. Также в качестве источника могут быть использованы немногочисленные произведения художественной литературы, созданные в Оренбурге в исследуемый период (С. И. Гусев-Оренбургский).

Имеющиеся в распоряжении исследователя источники определяют методологию анализа частной повседневности. К основным методам исследования будет относиться метод описательный, позволяющий нарисовать картину приватного пространства провинциальной горожанки. Феноменология как метод исследования дает возможность раскрыть очевидный смысл предмета, часто скрытый чьим-то мнением, словами и оценками. Кроме того, важным представляется и метод герменевтический, позволяющий интерпретировать текст (к примеру, литературного произведения) через его понимание, вчувствование. Методы, более присущие философии, психологии и культурологии, сочетаются со сравнительно-историческим методом, способствующим установлению истинности исторического факта через сопоставление информации, почерпнутой из различных источников.

Приватное пространство жительницы города, прежде всего, зависело от ее сословной и имущественной принадлежности. Городское пространство было разделено между различными категориями населения – привилегированная часть горожан проживала в наиболее благоустроенной части города в просторных и крепких собственных домах или съемных квартирах.

Высшее дворянство, чиновничество и офицерство, как правило, проживали в Оренбурге в арендованном казенном или съемном жилье, поскольку прибывали в губернскую столицу по долгу службы всего на несколько лет. Именно поэтому в городе не появилось ни одного «дворца» или крупной дворянской усадьбы. Как отмечал Ф. И. Лобысевич, ни потомственной, ни финансовой аристократии «за очень немногими исключениями, здесь нет» [13, с. 21]. Даже самые высокопоставленные лица принадлежали к когорте «обыкновенного» дворянства и жили не за счет доходов от собственного имущества, а за счет жалования. Как следствие,

уровень жизни таких чиновников находился в жесткой зависимости от выплаты казенного содержания или квартирных денег. За неуплату хозяева квартир требовали съехать из арендованного жилья, что ставило аристократические замашки «в очень щекотливое положение» [Там же].

Служащие часто проживали в том же здании, где работали. Так, например, служащие железной дороги квартировали в здании железнодорожного вокзала [27, с. 13]. В воспоминаниях Н. Г. Залесова упоминалось о том, что после его бракосочетания с дочерью начальника штаба корпуса генерала Бутурлина молодые «поселились в 2-х небольших комнатках во дворе казенного дома», занимаемого его тестем. Как замечал далее Залесов, это «было очень кстати, так как мы начали семейную нашу жизнь с 16 рублями в кармане» [7, с. 542].

Согласно сведениям, приведенным в статье С. В. Любичанковского, на Урале владельцев недвижимости среди государственных служащих вообще было немного. Так, из 41 служащего Оренбургского губернского правления в 1906 г. только 10 (около 25%) имели собственный дом. Оставшиеся три четверти чиновников занимали арендованные квартиры [14, с. 304].

Отмена оренбургского генерал-губернаторства и оренбургского военного округа в 1881 г. превратила Оренбург в обычный внутриимперский губернский город. Как утверждал П. Н. Столпянский, связанный с этими событиями отъезд почти 150 чиновников должен был оставить «после себя множество пустых домов и зданий, которых и деть некуда» [27, с. 246].

Помимо опустевших квартир, отъезд полутора сотен представителей высшего и среднего городских слоев обусловил и общее снижение уровня городской жизни. Уехали основные покупатели качественных изделий промышленности и ремесла. Привозить в город для продажи дорогую мебель, зеркала, предметы интерьера коммерсанты не спешили и раньше, теперь же делать это стало и вовсе бессмысленно. Домашняя обстановка в домах основной массы городских жителей становилась все более простой и непритязательной. В обиход стали входить изделия, созданные своими руками, – вышитые подушечки-думки, вязаные или вышитые скатерти и т.п. Так, оренбургская дяконша Екатерина Лукина в письме сестре писала: «О себе скажу, что я, благодаря бога, живу по-прежнему. К моим именинам расшиваю скатерть» [Цит. по: 30, с. 224].

Любимым вариантом украшения жилища стали живые горшечные цветы – фикусы, пальмы, герань, гибискус («китайская роза»). Эти растения, в отличие от изысканных citrusовых или орхидей, произрастающих чаще в оранжереях, были непритязательны, доступны и могли служить яркими цветовыми пятнами в домашнем интерьере. Хотя и оранжереи в Оренбурге тоже встречались. Владелец одной из самых крупных и передовых в техническом плане оренбургских паровых мельниц Василий Христофорович Юров в 1897 г. получил от оренбургской Городской управы разрешение на строительство на своем домовом участке оранжереи «с каменными стенками, при существующей избе для садовника...» [3, д. 768, л. 1]. В оранжереях, как правило, выращивали в кадках вишни, груши, персики, абрикосы, лимоны, мандарины, лавр, виноград и другие непривычные для естественной среды растения.

Немногочисленное мелкое чиновничество и личное дворянство, проживающее в Оренбурге постоянно и владеющее собственной недвижимостью, довольствовалось стандартными городскими домами. Интерьер дома «чиновника в отставке» Перехватова в повести С. И. Гусева-Оренбургского «Страна отцов» выглядел довольно просто: «Точно красивая мечта, реализовавшаяся и заставшая в неподвижных формах, стояли тут старинные, немного неуклюжие стулья у окон, сквозь белые кисейные занавески которых свет мягко ложился на листья олеандров, китайских роз, фикусов, и туй, годами выращенных в тепличной обстановке комнаты; на крытых скатертями столиках в простенках стояли лампы под красным абажуром; лежали альбомы, в которых еще сохранялись выцветшие фотографии каких-то особ в фижмах и кринолинах. В углах стояли этажерки с безделушками или старинными журналами. На стенах и простенках в изобилии висели снимки целого племени чиновников, группами и в одиночку...» [6, с. 142]. Такой дом, действительно, был для оренбургского чиновника воплощенной мечтой, приобретенной за счет многолетней экономии на всем. Хотя социальный статус и культурный уровень хозяина такого дома подчеркивали лишь более изящная мебель да милые безделушки и журналы вместо дорогих и помпезных интерьерных украшений.

Фотографии как новое и более модное явление, нежели живописные портреты, также были визитной карточкой наиболее «продвинутых» домовладельцев. Это явление было характерно для различных регионов империи. Так, в городах Сибири, по данным Т. В. Паликовой, фотография также занимала важное место в домашнем интерьере. На стенах, столах, этажерках располагались фотопортреты «в красивых рамках. Появились фотоальбомы, хранящие облик родных, живых и умерших, а также альбомы с почтовыми открытками самой разнообразной тематики» [24, с. 51].

В Челябинске чиновное дворянство, как и в Оренбурге, не являлось господствующей категорией населения. Приезжающие туда на службу чиновники рассматривали свое пребывание в городе как временную стадию. Из Челябинска они достаточно быстро переводились в более отдаленные города Сибири либо возвращались обратно в Петербург. Чиновник в Челябинске жил «как на бивуаках – “проходимцем”» [18, с. 238]. Поскольку никто из них не засиживался в городе, строить там частный дом, возводить усадьбу не было никакого смысла. Более устоявшуюся часть населения составляли крупное купечество, мелкие торговцы и железнодорожники разного калибра.

Богатое купечество, в отличие от чиновничества, спешило как можно быстрее обзавестись собственным домом, по возможности максимально большим, который можно было передать по наследству, продать или использовать в качестве залога в банке. В то же время купеческие постройки зависели не только от возможностей заказчика, но и от внешних обстоятельств. Так, например, Троицк в отношении построек был «очень

стеснен». Дома там были «не столько красивы и велики, сколько ценны, тем больше, что кирпич, приготовляемый на здешних заводах, и дурного качества, и дорог, и на постройки мало употребляется» [10, с. 9].

С. И. Гусев-Оренбургский в своей повести «Страна отцов» так описывал купеческие жилища: «Вот дом купца Шаповалова. Тридцать окон по переднему фасаду, – в четыре этажа, окон то больших, то маленьких, то круглые. Внизу ряд складов с железными дверями, где хранятся десятки тысяч пудов хлеба.

Вот дом купца Стрижикозина.

Он еще только строится, но огромные леса уже заставляют обывателя говорить почтительно, с мучительною завистью:

– Стрижикозин-то! Давно ли спичками торговал... Семиэтажное воздвигает!» [6, с. 83]. Вероятнее всего, имелись в виду дома челябинских коммерсантов, поскольку именно в Челябинске, по словам Нечаевой, дома росли «с быстротою поганых грибов после дождливой погоды» [18, с. 242].

В конце XIX – начале XX в. одним из наиболее богатых купеческих домов в Оренбурге был особняк купца Василия Ефимовича Мякинкова [1] (сегодня – здание городского ЗАГСа). Декоративное убранство части помещений первого этажа дает основание считать их предназначенными для торжественных приемов. Богато украшенный лепниной холл позволял пройти в правое и левое крылья. В левом крыле находился большой светлый зал, украшенный декоративными лепными вазонами с цветами, предназначенный, видимо, для приема гостей. Возможно, это был зал для званых ужинов, так как к нему примыкали небольшие комнаты, окнами выходящие во двор, по своим параметрам и оформлению напоминающие подсобки и кухню.

В правом крыле располагались комнаты меньшего размера, а их декоративное оформление было намного скромнее. Это были, скорее всего, жилые покои, обогреваемые расположенными в них печками. Помещения, предназначенные для приемов гостей, вероятно, обогревались с помощью парового отопления. По-видимому, в подвале были расположены печи, теплый воздух из которых по трубам поднимался вверх и обогревал парадные залы первого и второго этажей сквозь декоративные решетки, расположенные на стенах.

Ажурная чугунная лестница из холла вела в центральные помещения второго этажа, основным помещением которого был бальный зал. Просторное помещение зала (высота потолка здесь составляла 8,5 метров) было чрезвычайно обильно украшено лепниной – рельефами вазонов, венков, цветов и гирлянд, переплетениями растительных, ленточных и цветочных мотивов. Вдоль стены, противоположной окнам, выходящим на фасад здания, был устроен балкон для музыкантов.

В начале XX в. владелицей усадьбы стала старшая дочь В. Е. Мякинкова, Екатерина Васильевна Попова, супруга уфимского купца Николая Павловича Попова. Стоимость всех построек составила тогда 14804 руб. [3, д. 675, л. 216].

В таких домах комнаты обставлялись дорогой привозной мебелью, демонстрирующей статус и достаток владельцев. М. Михайлов в своих «Оренбургских письмах» оставил описание дома богатой тройкой «купчихи Т.»: «Войдя в квартиру мы нашли хорошую переднюю, из которой одна дверь в кабинет, другая в зал. За залом гостиная, потом столовая, буфет и семейные комнаты: спальня, детская, и проч. <...> ...в зале, хорошо меблированном, стоит в футляре из красного дерева орган... На стенах, рядом с фамильными фотографиями, развешено несколько картин... И тут видно, что хозяин не был знаток живописи, как не был никогда, даже в душе, музыкантом, а навесил разных картин для того, чтобы закрыть ими пустые стены и, как водится, заклеил их в широкие золотые рамы. Поднимите глаза к потолку: лепной карниз; он дорог, но тяжел и безобразит комнату...» [17, с. 89].

Аналогично, по описанию С. И. Гусева-Оренбургского, выглядел интерьер дома старого старомирского (а значит оренбургского) купца Широкозадова: «Старая мебель в чехлах, казалось, зябла. Зеркала как-то пугливо глядели из простенков. <...> И в гостиной стояла тяжелая, старинная, сумрачная мебель, висела люстра, которую давно не зажигали». В спальне старика Широкозадова «стояли кресла, стулья, пугавшие своей ветхостью; ломберный стол с картами и мелками, столик-шашечница мешали пройти; огромный письменный стол был близко придвинут к кровати, очень низкой и широкой, напоминавшей софу и, по-видимому, никогда не убиравшейся. По стенам висели выцветшие фотографии, масляные портреты благообразных старцев купеческого типа» [6, с. 166].

Обстановка оренбургского богатого купеческого жилища, судя по этому описанию, соответствовала своеобразному стандарту купеческого дома, принятому практически во всех регионах Российской империи. Аналогичный интерьер купеческого дома в Сибири приводит в своей книге Ю. М. Гончаров [2, с. 9-10]. Зажиточное сибирское купечество украшало свои жилища большими зеркалами в резных рамах, вазами, бронзовыми подсвечниками, напольными часами, всевозможными безделушками – статуэтками, веерами, шкатулками. Комнаты декорировались многочисленными цветочными горшками, в которых зеленели разнообразные цветы: «...рододендрон, фикус, кипарис, мирт, азалия, камелии...» [Там же, с. 10]. А в доме тройкой купчихи, например, на подзеркальниках и столиках также располагались дорогие и красивые «вещички»: «...малахитовые вазы, топазовые канделябры, яشمовые подсвечники, пепельницы и лоточки из разноцветных мраморов» [17, с. 90].

Итак, в типичных домах богатых коммерсантов интерьеры составляла тяжелая, нарочито помпезная мебель из темного дерева. Мебели было много, что должно было подчеркнуть финансовое благополучие хозяев. Она носила не только утилитарный характер, но и демонстрировала «избыточность» имущества. Примером тому служили ломберные столики, столики-шашечницы, горки, рояли или органы и пр. Стены украшались большими или портретами членов семьи. Причем это были именно живописные портреты, а не фотографии, что также должно было подчеркнуть финансовые возможности домовладельцев.

В богатых домах и цветы были «побогаче» – вместо гибискуса и герани комнаты украшали рододендроны, кипарисы, мирт. Большой популярностью пользовались пальмы различных видов. Так, в «Оренбургской газете» в 1901 г. было дано объявление о продаже «панданус-утилис и пальм других названий», а «Садовое заведение Биркгольц» вследствие тесноты оранжерейных и тепличных помещений по самым умеренным ценам распродало араукарии (комнатные ели), кентии (райские пальмы), фикусы, драцены и другие комнатные растения [22].

Горожане «попроще», переселявшиеся в город в поисках лучшей доли, как правило, довольствовались съемным жильем. Частью своего жилого пространства делились купцы, мещане – обладатели собственных домов и квартир. Так, у Гусева-Оренбургского в повести упоминался дом мещанки Скворцовой, который она сдавала приезжающим в город священникам: «Гостям была предоставлена лучшая комната, – хозяйская зала с обширными кипарисовыми сундуками под ковром, – светлыми обоями и геранью на окнах» [6, с. 126]. Однако такой комфорт был, скорее, исключением.

В Челябинске, по словам современницы, журналистки А. М. Нечаевой, было «очень трудно найти удобную квартиру» [18, с. 237]. Хотя город располагал и маленькими домами-особнячками, и многоквартирными домами, жилищная проблема здесь стояла весьма остро. Превратившись в узловую станцию нескольких железных дорог, Челябинск на рубеже XIX-XX вв. стал быстро увеличивать свое население. Рост городского жилищного фонда совершенно не успевал за ростом числа городских жителей. Быстро возводящиеся дома часто были «вовсе непригодны для жилья» и, тем не менее, брались нарасхват [Там же, с. 242].

В «Оренбургских письмах» М. Михайлова также упоминалось о том, что квартиры в Оренбурге были «дороги и неудобны». Квартира, сдаваемая в аренду за 300 руб. в год без дров, по определению была «невзрачная, далеко не такая, какую можно найти за эти деньги в любом губернском и даже во многих уездных городах». «Порядочных» из них набиралось всего десятка полтора, а остальные были «грязны и зимою холодны». Большим недостатком этих «семейных квартир» было расположение кухонь на другом конце двора. Зимой бураны, а летом пыльные бури делали эти кухни крайне неудобными как в плане контроля за приготовлением пищи, так и в контексте подачи блюд к столу. Приготовленная еда моментально остывала либо покрывалась пыльным налетом [17, с. 28]. С другой стороны, такое отдельное расположение кухни позволяло не «чувствовать носом за несколько еще часов до обеда все приготовляемые кушанья» [5, с. 5].

Правда, следует отметить, что в конце XIX – начале XX в. собственники квартир стали проявлять больше заботы о комфорте постояльцев. В отличие от периода конца 70-х годов XIX века, когда оренбургские квартиры были «все без мебели (которую достать здесь очень трудно и дорого), холодны и неудобны, а цены от 120 до 600 руб. и дороже в год» [13, с. 16], ближе к началу века XX в договорах об аренде жилья все чаще фиксировалось четко прописанное обязательство арендодателя обеспечивать арендаторам достойные условия жизни.

Как отмечает в своей книге Г. Н. Ульянова, появление «квартир с удобствами» было связано с изменением структуры городского населения. В 1870-1880-х гг. в города стали переезжать «люди простого происхождения», которые, благодаря полученному образованию, «смогли получить приличное место в банке, фирме, на железной дороге» [28, с. 11]. На первых порах они могли жить в гостинице, однако это было дорого. Если такой служащий собирался жить и работать в городе на постоянной основе, а также перевозить в город семью, ему было необходимо решить квартирный вопрос. Так, например, в «Оренбургской газете» в 1901 г. был дан ряд объявлений: «НУЖНА КВАРТИРА в Центральной части города с парадным ходом в 4-6 комнат, предложения адресовать: Центральная гостиница» [20]; «НУЖНА КВАРТИРА в 3-4 комнаты, близ Караван-Сарая. Адрес в редакции для Ф. К.» [21].

Вначале коммерсанты сдавали внаем собственные дома. Так, в 1898 году жена оренбургского потомственного почетного гражданина Анна Николаевна Путолова заключила с Правлением оренбургского Общества взаимного кредита договор, по которому сдала в арендное содержание помещения в принадлежащем ей каменном двухэтажном доме, в том числе две квартиры для артельщиков и три квартиры для швейцаров и сторожей. Согласно договору, «помещения для лошадей, коров и вообще домашнего скота, держать» во дворе дома не разрешалось [4, д. 5, л. 46]. В свою очередь, арендодатель передавал арендующей стороне квартиры с «отоплением всех помещений, за исключением лишь кухонных печей... которые должны отапливаться нанимателем». Владелица дома должна была с помощью «водяного отопления» отапливать помещения так, «чтобы в холодное время года все помещения имели температуру не ниже 14-15 градусов тепла по термометру Реомюра» [Там же, л. 46 – 46 об.].

Купеческие дома могли заселяться поэтажно. Так, например, по воспоминаниям жительницы Оренбурга, представительницы купеческо-мещанской династии Дегтяревых, она с родителями жила в собственном доме на первом этаже, а второй этаж занимало семейство какого-то офицера. А в «Оренбургской газете» за 1910 год было дано объявление: «Желают сдать с лета 1911 года второй и третий этаж по Гостинодворской улице, против Главного рынка, под торгово-промышленное заведение или квартиру. Отд-ка (видимо, «отделка». – Е. Б.) по соглашению. Спросить Никиту Архиповича Смочилина, Введенская улица, против Нов. Собора» [23].

Раньше в распоряжении домохозяина, как правило, находился целый двор или усадьба. Теперь все чаще в сфере частного пространства оставались лишь квартиры и комнаты. Придомовое пространство приобретало общественный характер и уже не зависело от вкусов и желаний жильцов. Сокращение приватного пространственного поля приводило к тому, что владелец квартиры начинал с большим вниманием относиться к деталям окружавшего его пространства.

Размеры комнат уменьшались, а количество вещей в них неуклонно росло. Промышленный переворот, завершившийся в России к концу XIX в., позволил наполнить дом разнообразной дешевой утварью фабричного производства. В итоге дом оказывался заполненным «разнообразной мебелью, частью обитой дешевым, но ярким сатином, плюшем, атласом» [33, с. 22], милыми, но массовыми предметами обихода. Вещи переставали быть капиталом, передаваемым по наследству, и превращались в способ обретения комфорта и получения эстетического удовольствия.

Однако в Оренбургской губернии обставить квартиру по своему вкусу рядовым горожанам было сложно. Т. Базинер, заказавший для себя в Оренбурге квартиру из Петербурга за месяц до своего приезда, нашел ее в следующем виде: «Хотя и здесь меблировка была крайне скромна: два стола наподобие кухонных, несколько столь же грубо сделанных стульев с деревянными сидениями и подобная же кровать...» [Цит. по: 5, с. 4]. «Мебель составляет в Оренбурге редкость и хлопоты для приезжих, – писал Михайлов. – Если кто, по своим средствам, не может или из расчетов не желает выписать весь необходимый для него ассортимент мебели из Москвы или Петербурга, то в Оренбурге он должен запастись ею исподволь, посредством заказов, исполняемых весьма медленно, или покупать, что придется, с толчка. Бывает, что, при отъезде одного и приезде другого лица, мебель первого переходит к последнему... На толчке, обыкновенно, можно встретить только крашеную мебель – простые стулья, столы и кровати самой топорной работы... Мебельных лавок в Оренбурге нет, да и мебельных мастеров – крайних бедняков по большей части – тоже мало. Пред Рождеством, а иногда и летом, привозится сюда так называемая *вятская* мебель, между которой бывает и ореховая, но она требует еще обивки, окончательной полировки, да и подчас расклеивается. <...> Рояли, которые встретите в здешних домах, все без исключения из столиц, зеркала – также, хотя последние уродливого фасона, более из Москвы» [17, с. 35-36]. Примерно о том же писал спустя 12 лет и Ф. И. Лобысевич, отмечавший, что «квартиры и гостиницы в Оренбурге не могут похвастаться комфортом; первые все без мебели (которую достать очень трудно и дорого), холодны и неудобны» [13, с. 16]. В Челябинске торговля, в том числе и предметами домашнего обихода, велась в основном «привозными товарами московских и варшавских фирм» [18, с. 238].

В такой ситуации спасением была покупка мебели «с рук». Объявления в оренбургских газетах гласили: «Продается разная гостиная и столовая мебель в доме Масленниковых, на углу Неплюевской и Безаковской улиц, дом № 44/48, видеть можно там же» [21]; «ПРОДАЕТСЯ. Хорошая мягкая мебель, обитая штофной шелковой материей, гардероб, этажерка для книг и другие вещи. Видеть можно 26, 27 и 28 августа с 12 ч. до 4 ч. в доме Нехорошевых на Неплюевской ул.»; «По случаю продается мягкая мебель, буфет, комод, большой диван, каток (имеется в виду каток для белья. – Е. Б.) и пр. Мастерской переулоч д. № 4» [22].

Рубеж веков стал временем быстрого внедрения в домашний обиход всевозможных технических новинок. В 1864 г. в Оренбург прибыли братья Зальцфиш, которые привезли с собой керосиновые лампы. Лампы эти, как гласило объявление, были «разных форм, очень красивые, при употреблении не требуют никакой чистки, кроме обтирания пыли, зажигание и гашение их очень просто, свет от них так бел и блестящ, что самая малая заменит пять, а поболее размером ответит за десять свечей стеариновых». Кроме ламп братья Зальцфиш привезли в Оренбург массу самых разных новинок: «...и рижские весы, и новоулучшенные фонари, и альбомы для фотографических карточек и наконец очки с перископическими стеклами для сохранения и укрепления зрения» [Цит. по: 27, с. 270-271].

Для женщин желанным приобретением могла стать швейная машинка, реклама которых стала активно появляться на страницах местной прессы. Швейные машины «всех лучших современных систем и конструкций для различного рода работ» предлагал в Оренбурге магазин А. В. Гольдебаева. Предоставлялись рассрочка платежа и пятилетняя гарантия качества. Швейные машины производства компании «Зингер» можно было приобрести в Оренбурге на Николаевской улице в доме А. И. Назаровой. Там же можно было бесплатно научиться шитью и художественной вышивке [22].

Особой диковинкой стали граммофоны, появившиеся на рубеже 80-90-х гг. XIX в. В оренбургских газетах об этих технических изобретениях даже стали печатать анекдоты: «– Весело было вчера у Пташкиных?

– Очень весело! Они граммофон купили, и он весь вечер нам анекдоты рассказывал... мы просто живо-тики надорвали, смеявшись...» [19].

В другой газете через объявление продавался «оркестрион с валами разных пьес» [20]. Оркестрион представлял собой самоиграющий механический музыкальный инструмент, работавший с помощью пружинного механизма. Музыкальные пьесы фиксировались на вращающемся валу в виде выступов, расположенных особым образом.

Упразднение оренбургской крепости, строительство Самаро-Оренбургской железной дороги значительно увеличили темпы роста городского населения в губернии. Следствием этого стало увеличение числа «припущенников» – мещан, арендующих участок для строительства дома не у города, а у другого мещанина-землевладельца. После пожара 1879 г. в Оренбурге погорельцы получили новые дворовые места больших размеров (10 на 19 сажень – 21 на 40 м) на территории за бывшим городским валом, в т.н. Новой слободке. Владелец земли строил на этой земле небольшой домик, а оставшееся пространство сдавал в аренду более бедному земляку. В результате «на обширном дворовом месте, вполне обеспеченном от пожаров, как грибы после крупного июльского дождя, вырастали хаты, хибарки, землянки “допущенников”» [27, с. 95]. Такое жильё обычно представляло собой четырехугольную яму, обложенную изнутри досками, с утопанным земляным полом. Туда помещалась печка. На потолок клались горбыли или, в лучшем случае, возводилась крыша, через которую наружу выводилась печная труба. Иногда вместо землянок строили саманные сооружения из глины, смешанной с соломой, песком или другими наполнителями.

«И в этих землянках и хатках живут люди – да, целые семьи, душ 5-8, а иногда и больше, – писал Столпянский. – Кряхтит на печке старуха-бабушка, которую Бог почему то забыл и которая, несмотря на свои 90 лет, свою лямку жизни, вечное недоедание, вечные побои, адский труд – все еще скрипит и живет; суетится хозяйка, мать многочисленного семейства, еще молодая женщина, но уже состарившаяся, с морщинами, застывшими глазами, изнеможенным лицом, пищат мал-мала меньше рябятишки и... и бьется, как рыба об лед, “сам” хозяин, допущенник, в громадном большинстве случаев чернорабочий, т.е. с дневным заработком от 40 до 60 копеек (в среднем)» [Там же, с. 96]. Таким образом, частный быт таких «допущенников» был весьма схож с бытом городских люмпенов, хотя формально они считались мещанами.

В Орске, по словам Р. Г. Игнатьева, «в особенности в предместьи его, так называемой слободке, стало тесно; здесь часто в маленькой избушке или землянке помещается по 15, 20 человек и более» [9, с. 135]. В основном это были переселенцы, ищущие свободной земли и лучшей доли.

В центральной части Оренбурга квартиры были оборудованы удобствами – в них имелись водопровод и ватерклозеты. Ветки водопровода были проведены даже до Маяка, где располагались дачи многих городских нуворишей. В 1879 г. Надежда Яковлевна Путолова, супруга оренбургского купца 2-й гильдии, перестраивая свой дом после грандиозного пожара, случившегося в городе в том же году, просила разрешения «перестроить вновь каменную трехэтажную лестницу с ватерклозетом и отводом нечистот» [3, д. 874/21, л. 8].

В бывших же пригородах – городских слободах – этими благами цивилизации жители не пользовались, довольствуясь колодцами и выгребными ямами. По словам П. Н. Столпянского, даже в начале XX в. Новая слободка обслуживалась «10 колодцами, за которыми надзор и уход более, чем отвратительный. Колодцы не чистятся десятилетиями, срубы гниют, в воду попадают всевозможные отбросы, во многих колодцах вода солонцеватая, анализ воды не производился и, можно ли употреблять эту воду, конечно, никто не знает» [27, с. 105].

Во время эпидемии холеры, случившейся в Оренбурге в 1892 г., санитарная комиссия проводила осмотр и очистку городских пространств от нечистот. При этом в 4-й части города (как раз в Новой слободке) комиссия не могла устраивать ретирады, поскольку «жители этой части не знали такой роскоши, как ретирады, из 1182 домов, помещавшихся в этой части, у 860 домов ретирадов не было, но зато во дворах были поистине залежи навоза для делания кизяка» [Там же, с. 180].

В Челябинске тоже были такие районы. Так, например, в крупных поселках, расположенных возле железнодорожной станции, – Николаевском, Колупаевке, Порт-Артуре – проживали железнодорожные служащие. По словам современницы, Порт-Артур являл собой пространство, застроенное без четкого плана самыми разными постройками, «начиная от тесовых изб с палисадниками и кончая лачугами, сложенными из гнилых железнодорожных шпал. Нередки здесь и землянки, вырытые прямо в земле и обложенные хворостом» [18, с. 239].

Такие условия жизни в рабочих поселках, появившихся в связи с индустриализацией рубежа XIX-XX вв. на окраинах российских городов, были вполне типичны. Примерно так же описывает жизнь рабочих Западной Сибири В. Н. Фаронов [29, с. 267]. Жили грязно, пьяно, скученно. При этом люди, живущие в таких условиях, вряд ли имели возможность когда-либо изменить условия своего существования. Как писал С. И. Гусев-Оренбургский, они «ходят по улицам с гармониками, поют разухабистые и циничные песни, заводят драки с истощенными женами и отголоски разгула их долетают до “центра”, который с нагорья смотрит на них угрюмо и подозрительно, пока стоокая ночь не уложит их под заборами в грязных канавах или вонючих конурах, называемых жилищами» [6, с. 121].

В итоге становится возможным констатировать, что бытовая составляющая повседневной жизни горожанок Оренбургской губернии в пореформенную эпоху значительно различалась в зависимости от их сословной принадлежности. Интерьер и предметное наполнение квартир и комнат в большей степени были выражением не индивидуальных, а групповых вкусов и зависели от господствующих в обществе представлений о красоте и моде, носивших общероссийский характер. Спецификой вещно-предметной среды, окружавшей зажиточного городского жителя Оренбургской губернии в пореформенный период, были тотальный дефицит и дороговизна качественных предметов интерьера, связанные с удаленностью региона, отсутствием здесь высокопрофессиональных ремесленников и постепенным сокращением офицерско-чиновничьей аристократии (основных потребителей продукции высокого качества) после отмены оренбургского генерал-губернаторства. Масштабное переселенческое движение значительно обостряло «квартирный вопрос» в губернских городах, приводило к скученности населения в слободах и на городских окраинах, строительству некачественного жилья.

Список источников

1. Бурлуцкая Е. В., Шлеюк С. Г. Мясниковы. Владельцы настоящего дворца // Купечество оренбургское: сборник статей. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2016. С. 46-55.
2. Гончаров Ю. М. Семейный быт горожан Сибири второй половины XIX – начала XX в. Барнаул: АзБука, 2004. 132 с.
3. Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. 41. Оп. 1.
4. ГАОО. Ф. 155. Оп. 1.
5. Гра А. Оренбург 1840-х годов XIX столетия по описанию Базинера // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. 1903. Вып. 11. С. 1-10.
6. Гусев-Оренбургский С. И. Страна отцов // Сборник № 4 товарищества «Знание» за 1904 год. СПб., 1905. С. 75-294.
7. Залесов Н. Г. Записки // Русская старина. 1903. Г. 34. Кн. 6. Июнь. С. 527-542.
8. Засосов Д., Пызин В. Повседневная жизнь Петербурга на рубеже XIX-XX веков: записки очевидцев. М.: Молодая гвардия, 2003. 480 с.

9. **Игнатьев Р. Г.** Однодневное исчисление жителей г. Орска, произведённое 15 января 1870 г. (Статья Действительного члена Оренбургского Губернского Статистического Комитета Р. Г. Игнатьева) [Электронный ресурс] // Игнатьев Р. Г. Собрание сочинений (уфимский и оренбургский период): в 9-ти т. / сост. М. И. Роднов. Уфа, 2011. Т. 3. 1869-1872 годы. С. 134-149.
10. **Ильин В. Ф.** Троицк // Памятная книжка Оренбургской губернии на 1865 год. Оренбург: Оренбургская губернская типография, б.г. С. 1-21.
11. **Комлева Е. В.** Быт горожан в письмах красноярских купцов Ларионовых (конец XVIII – первая треть XIX в.) // Тексты источников по истории России и национальная культурная традиция: сборник научных трудов. Серия «Археология и источниковедение Сибири». Новосибирск: Изд-во Сибирского отделения Российской академии наук, 2014. С. 85-97.
12. **Литягина А. В.** Формирование общих черт быта у представителей различных сословий в городах Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в. // История повседневности населения Западной Сибири и сопредельных регионов как форма цивилизационной идентичности Евразии: материалы Всероссийской с международным участием научной конференции. Бийск: Изд-во Алтайского государственного гуманитарно-педагогического ун-та им. В. М. Шукшина, 2018. С. 43-48.
13. **Лобьсевич Ф. И.** Город Оренбург: историко-статистический очерк. СПб.: Типография Э. Гоппе, 1878. 60 с.
14. **Любичанковский С. В.** «Пролетарии двадцатого числа»: материальные условия повседневной жизни рядовых губернских служащих в позднеимперский период // Экстремальное в повседневной жизни населения России: история и современность (к 100-летию русской революции 1917 г.): материалы Международной научной конференции. СПб.: Изд-во ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2017. С. 303-308.
15. **Маслова И. В.** Провинциальный уездный город Российской империи XIX – начала XX в.: на материалах Вятской губернии // Малые и средние города России: прошлое, настоящее и будущее: материалы VI Международных Стахеевских чтений. Елабуга: Елабужский институт КФУ, 2013. С. 108-113.
16. **Микитюк В. П., Яхно О. Н.** Повседневная жизнь Екатеринбурга на рубеже XIX-XX веков: очерки городского быта. Екатеринбург: Институт истории и археологии УРО РАН; АМБ, 2014. 447 с.
17. **Михайлов М.** Оренбургские письма для желающих ознакомиться с Оренбургом, Орском, Троицком, Фортom Александровским и дорогою через Киргизскую степь до Форта № 1. СПб.: Тип. Н. Тиблен и Ко, 1866. 110 с.
18. **Нечаева А. М.** Челябинские впечатления // Исторический вестник. 1909. Т. СХVII. Июль. С. 236-269.
19. **Оренбургская газета.** 1901. № 1116. 14 января.
20. **Оренбургская газета.** 1901. № 1250. 12 июля.
21. **Оренбургская газета.** 1901. № 1251. 13 июля.
22. **Оренбургская газета.** 1901. № 1287. 26 августа.
23. **Оренбургская газета.** 1910. № 286. 25 декабря.
24. **Паликова Т. В.** Вещно-предметная среда горожанина Забайкалья во второй половине XIX – начале XX в. // Гуманитарный вектор. 2010. № 3 (23). С. 48-54.
25. **Позняк Т. З.** Влияние технических изобретений на повседневную жизнь дальневосточных городов во второй половине XIX – начале XX в. // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2013. № 5 (25). С. 101-112.
26. **Руга В., Кокорев А.** Барышни и дамы. Повседневная жизнь москвичек в середине XIX – начале XX в. М.: Абрис, 2018. 255 с.
27. **Столянский П. Н.** Город Оренбург: материалы к истории и топографии города. Оренбург: Оренбургская губ. тип., 1908. 399 с.
28. **Ульянова Г. Н.** Доходный бизнес на доходных домах сто лет назад // Ульянова Г. Н. Дворцы, усадьбы, доходные дома. Исторические рассказы о недвижимости Москвы и Подмосковья. М.: Форум, 2012. С. 9-22.
29. **Фаронов В. Н.** Жилищно-бытовые условия у рабочих Западной Сибири конца XIX – начала XX в. // Известия Алтайского государственного университета. 2015. № 4 (88). Ч. 1. С. 266-273.
30. **Фог А. Г.** Повседневная жизнь православного приходского духовенства Оренбургской епархии: 1859-1917. СПб.: Нестор-История, 2017. 272 с.
31. **Яхно О. Н.** Век модерна и рационализация: быт горожан российской провинции на рубеже XIX-XX вв. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «История России». 2003. № 2. С. 45-54.
32. **Яхно О. Н.** Изменения в быту горожан Пермской губернии в конце XIX – начале XX в.: автореф. дисс. ... к.и.н. Екатеринбург, 2002. 27 с.
33. **Яхно О. Н.** Провинциальный город на рубеже XIX-XX веков: противоречивая повседневность // Уральский исторический вестник. 2008. № 1 (18). С. 19-25.

PRIVATE SPACE OF A TOWNSWOMAN IN ORENBURG PROVINCE IN THE POST-REFORM PERIOD

Burlutskaya (Bannikova) Elena Vadimovna, Doctor in History, Associate Professor
Orenburg State Pedagogical University
ida777@yandex.ru

The article describes the everyday life of townswomen in Orenburg province in the second half of the XIX – at the beginning of the XX century. Women's private world is considered in two aspects – as a manifestation of tastes and financial possibilities of female representatives of different urban estates and as an implementation of the all-Russian modernization processes at the turn of the centuries. The conclusion is made about the dominance of social views over personal ones when it comes to private space formation and about unification of this world on a national scale. Peculiarities of urban everyday life in provincial towns of Orenburg province are explained by the region's remote location and specificity of its population.

Key words and phrases: history of everyday life; women's history; province; town; everyday life; private space; material space.